

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25

УДК 639.181

В. А. Тишков

Институт этнологии и антропологии

им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5479-9039

E-mail: valerytishkov@mail.ru

О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву)

АННОТАЦИЯ. В статье излагается альтернативная многонародности идея *этнической множественности*. Сделано это в рамках конструктивистского подхода к реальности, который не отвергает примордиализма, а помогает понять, как вызываются к жизни и проявляют себя примордиальные чувства и лояльности. Автором проделан анализ вклада конструктивизма в изучение этничности и этнополитики. Конструктивизм объясняет массовые смены идентичностей и, отсюда, этнического состава, исчезновение и появление новых групп через процедуры реидентификации и переписывания. Конструктивизм раскрывает, как этнические деления могут создаваться и меняться в результате политического воздействия или индоктринации. Конструктивистский подход преодолевает негативный контент, когда этническое многообразие связывается с рисками для государственного строительства, с менее демократичными, хуже управляемыми и более конфликтными обществами. Предложена доработка теории этничности через обновление языка описания и упор не на показатели (классификация, численность и т. д.), а на механизмы воспроизводства, управления и использования этничности. Названы *номинальная* и *активированная* формы этнической идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный конструктивизм, примордиализм, этничность, идентичность, реидентификация, многонациональность, этнополитика, перепись населения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тишков В. А.

О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву).

Этнография. 2023. 1 (19): 06–25.

doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25

V. Tishkov

Miklukho-Maklai Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5479-9039
E-mail: valerytishkov@mail.ru

On Reconciling Constructivism and Primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev

ABSTRACT. The article brings forward the idea of ethnic plurality as an alternative to *multinationalism (mnogonarodnost)*. The author employs the constructivist approach to reality, which does not renounce primordialism, but helps to understand how primordial feelings and loyalties are invoked and manifest themselves. The paper outlines the critical contributions of constructivism to the study of ethnicity and ethnopolitics. Constructivism expounds massive shifts in identities and, hence, ethnic composition, the emergence and disappearance of new groups through procedures of re-identification and rewriting. Constructivism explains how ethnic divisions can be created and changed through political influence or indoctrination. The constructivist approach overcomes the negative content when ethnic diversity is associated with risks to nation-building, with less democratic, less well-governed, and more contentious societies. Finally, the paper proposes a development to the theory of ethnicity by updating the language of description and by focusing not on quantitative markers (classifications, numbers) but on the reproduction, management, and use of ethnicity. The author supports the idea of two forms of ethnic identity, i. e., the *nominal* and *activated* forms.

KEYWORDS: social constructivism, primordialism, ethnicity, identity, re-identification, multi-ethnicity, ethnopolitics, census

FOR CITATION: Tishkov V. On Reconciling Constructivism and Primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev. *Etnografia*. 2023. 1 (19): 06–25: (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25

ВВЕДЕНИЕ

Как и все талантливые люди, известный российский этнограф Андрей Владимирович Головнёв — человек впечатлительный. В последнее время его ученое воображение захватила метафора «парада народов» с базовой отсылкой к известной шутовской свадьбе в Ледяном дворце опального князя Голицына и карлицы-калмычки, устроенной российской императрицей Анной Иоанновной в 1740 г. На мероприятие тогда свезли со всей Российской империи 150 пар представителей народностей, одетых в национальные костюмы. Позднее та же самая цифра 150 фигурировала при изготовлении фарфоровой коллекции фигур, изображающих типы российских народов. Эта коллекция сохранилась неполностью, но сегодня она выставлена в Имперском зале Кунсткамеры как торжество российской «идеи многонародности». Можно также привести пример знаменитой этнографической выставки 1867 г. в Москве с ее 300 (два раза по 150!) искусно сделанными манекенами, от которой остались многочисленные свидетельства, в том числе уникальная коллекция традиционного костюма, ныне хранящаяся в Российском этнографическом музее.

Однако во всей этой истории нас привлекает именно цифра 150, которая, по мнению А. В. Головнёва, присутствует в российском народоведческом дискурсе уже почти два столетия и тем самым подтверждает первичную фундаментальность этнической структуры населения России, не зависящей от разных конструктивистских и иных интерпретаций. Несмотря на свою изначальную примордиальность, метафора *многонародности* (А. В. Головнёв называет ее идеей, см.: Головнёв 2022) в чем-то греет и мою душу, особенно в варианте «многонародной нации» — идея, которая присутствует в России со времен графа С. Ю. Витте, академика П. Б. Струве и других светлых умов (Тишков 2013), но никак не может обрести конституционное оформление.

В этой статье я попробую объяснить почти альтернативную многонародности идею *этнической множественности* в аспекте переписных практик. Причем сделаю это в рамках конструктивистского подхода к реальности, который на поверку, оказывается, не отвергает примордиализм, а, наоборот, помогает понять, откуда и каким образом вызываются к жизни (реифицируются), формируются и проявляют себя примордиальные чувства и лояльности к той или иной групповой общности или культурно отличительной традиции. Напомним читателю об этих двух парадигмальных подходах и некоторых коллизиях по этому поводу. Впрочем, насчет коллизий, видимо, сказано слишком сильно, ибо это скорее прошлые истории. Как написала 10 лет назад индийский политолог Канчан Чандра, «на протяжении многих лет в центре дебатов при изучении этнических идентичностей были конструктивизм и примордиализм. На сегодня это уже устаревшая дискуссия, которая больше не дает

продуктивных теоретических воззрений» (Chandra 2012: 5). Однако для российской этнологии лаг в десятилетие не является отставанием: почти все влиятельные работы зарубежных коллег в нашей области переводились на русский язык с гораздо бóльшим временным разрывом, но и после этого труды конструктивистов широко цитировались примордиалистами (чаще всего к своей пользе).

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И ОТГОЛОСКИ СТАРЫХ БАТАЛИЙ

Доминирующая в современном общественном сознании теория социального *конструктивизма* исходит из того, что на основе социальной реальности в результате целенаправленных усилий элит в лице экспертов и политиков, а также низового активизма претворяются в жизнь проекты созидания или разрушения, совершается сам по себе общественный процесс. Это подход, а точнее — теория познания, о том, как люди формируют социальные феномены, включая сами представления о реальности, как эта реальность воспроизводится людьми в процессе ее осмысления и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Во взаимодействиях люди воспроизводят как своего рода «здоровый смысл» представления о жизненных реалиях, которые на самом деле не есть что-то заданное изначально, а сконструировано самими людьми в разных ситуациях и в различных целях (Бергер, Лукман 1995; Якимова 1999; Финнемор 2020). Исходя из этого подхода, гуманитарные научные знания также во многом являются результатом договоренности самих практиков научного труда. Это относится прежде всего к понятиям и категориям, включая и те, о которых пойдет речь в статье, — *народ, нация, этническая группа, национальная и этническая идентичность*.

Конструктивистский подход противостоит фатализму, историческому детерминизму, политическим импровизациям без учета реальных условий и возможностей. Конструктивизм противостоит *эссенциализму* — представлению о том, что социальная реальность определяется внеисторическими и не зависящими от сознания человека сущностями. Противостоящий конструктивизму подход называют примордиальным типом мышления. Это — течение общественной мысли, для которого главными в жизни являются не творчество, инновации и развитие, а опора на прошлую норму и вера в существование неких фундаментальных структур и предначертаний судьбы: от генов до божественных пророчеств. Примордиализм в чем-то схож с мессианизмом, будь это американская *Manifest Destiny* (судьбоносное предначертание нести в мир демократию) или идея «Москва — третий Рим» (мировое предначертание русского православия хранить основы христианства). В жизни конструктивизм и примордиализм как два взгляда на реальность и два

познавательных подхода пребывают зачастую в причудливых сочетаниях. Применительно к идее нации и национальному строительству на этот счет адекватно высказались российские авторы в одной из книг: «Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма» (Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 58).

С этим положением двойственности, (не)уживчивости двух подходов можно было бы и согласиться, если бы не ряд обстоятельств. Одно из них касается намеренных или по недостаточному знанию оглуляющих трактовок конструктивизма в рамках собственно научного сообщества. Этим трактовкам уже много лет, но они сохраняются, несмотря на то что и сам подход уже претерпел важные коррективы и рано или поздно уступит свое ведущее место новым научным парадигмам. Но пока приходится выступать в его защиту не столько от критиков (что всегда только на пользу), сколько от суждений погромного характера.

В этой связи напомним ранние реакции коллег на наши работы по части сомнений в «реальности этноса». На страницах журнала «Советская этнография» были не только удивленные вопрошания специалистов: «Как можно отрицать существование самого предмета нашей науки и одновременно быть директором Института этнографии?» (М. В. Крюков). Ю. И. Семёнов последовательно защищал свои конструкции социальных организмов (социоров) от исходящих от Запада постмодернистских влияний, подчеркивая свою приверженность К. Марксу и Ф. Энгельсу, как будто бы они уродились и творили где-нибудь в Калуге или Рязани. Примерно тогда же некто С. Е. Рыбаков на страницах нашего ведущего журнала развел «философию этноса» (без единого примера!), обвинив конструктивистов в прозападных, непатриотических заимствованиях, а себя и себе подобных зачислив в лагерь консервативных патриотов (Рыбаков 2001).

Можно было бы считать все это отголосками старых баталий, если бы они не повторялись в злых формах в некоторых сегодняшних писаниях. Так, например, ведущий идеолог при Всемирном русском народном соборе призывает решить проблему: «Как защитить от разных идеологических конструктов “простое”, “бытовое”, “родное”, традиционное, непосредственное, т. е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как защитить от **конструктивистской агрессии** (выделено мною. — *В. Т.*) аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры» (Щипков 2018: 237–238). В недавнем очерке одного из сотрудников ИЭА РАН под вычурно-бессмысленным названием и содержанием «Инстинкт гармонии смыслов» можно прочесть следующие слова в адрес описываемого мною подхода как якобы одного из компонентов современной клиповой культуры: «Конструктивизм — нет этносов, есть конструкции, нет

объективного, есть интерпретации, а нации — это воображаемые сообщества» (Банников 2022: 31).

Наконец, не будем списывать со счетов, что ортодоксальное натаскивание на тему «реальности этноса» и вредности конструктивизма остается в наших главных учебных пособиях, по которым готовятся кадры российских этнологов. Приведу несколько примеров из университетского учебника «Основы этнологии». Как пишет редактор и ведущий автор пособия В. В. Пименов, «в последние десятилетия XX в. сделаны также попытки трактовать этносы полностью в субъективистском стиле: с одной стороны, этнос представляют лишь как мыслительный конструкт, в котором неизвестно, имеет ли он что-либо общее с реальностью, а с другой стороны, сама этническая реальность (если все же допускается ее существование) мыслится в условиях интенсивного воздействия средств массовой информации и иных технических способов социального управления и манипулирования общественным сознанием — столь податливой и эластичной, что будто бы допускает, по сути дела, любые или почти любые приемы и формы конструирования этнических общностей по произволу управляющего субъекта (государства, правительства, общества и т. п.). По существу, теоретический смысл такой концепции состоит в отрицании и ликвидации науки, а практическое ее применение оправдало бы любую волюнтаристскую акцию в национальной политике» (Основы этнологии 2007: 10).

Поскольку оторванность отечественной этнологической науки от мирового знания в этой области сокращается медленно, а в последние годы она, к сожалению, даже увеличивается, было бы неосмотрительно игнорировать нынешнее содержание учебных пособий. Конечно, можно учесть, что ни Ю. В. Бромлей, ни В. В. Пименов книг зарубежных авторов сами не читали, а переводов фактически не было, кроме инионовских суррогатов, да и то не по нашей дисциплине. Но и при нынешних доступных переводах и лучшем знании иностранных языков новым поколением ученых нет уверенности, что нам гарантирован прорыв от самодовольства самопальной советской теории этноса, ибо именно через такие учебники апологеты старых подходов воспроизводят себе подобных.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В ПОНИМАНИИ ПОЛИТИКИ ЭТНИЧНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Что касается изучения феномена этничности, то здесь мое внимание привлекают работы К. Чандры и других авторов относительно использования конструктивистского метода анализа именно в сфере этнополитической проблематики (Chandra 2012). Эта сфера мне наиболее близка, и поэтому позволю себе сделать некоторые дополнительные

разъяснения. Как проще объяснить суть и разницу двух подходов применительно к данной области знания? Нет сомнений, что воздействие обоих подходов, особенно примордиального, обладает инерцией трактовать этничность как нечто сингулярное (в смысле неповторимой сущности), извечное и неизменное. Особенно это видно из многочисленных исследований экономистов и политологов о взаимосвязи между этничностью и такими сферами и проблемами жизни, как демократическое правление, стабильность и устойчивость государства, партийная система и голосование на выборах, гражданские войны и конфликты, социальная политика и система преференций, образовательные программы и квоты и многое другое.

Бюрократия и право приходят в замешательство перед проявлениями этнической подвижности и сложности. Для них субъект регулирования должен обладать определенностью и желательно неизбежностью своего проявления. Отсюда многочисленные коллизии, включая решение Конституционного суда Российской Федерации в отношении невозможности существования больше чем одной национально-культурной автономии федерального уровня для представителей той или иной этнической общности (даже у коллективного тела все равно должна быть одна голова!). Отсюда также правовая установка производить государственные реестры членов той или иной общности, будь то казаки или коренные малочисленные народы. Отсюда единственная свободная строка в поле ответа на вопрос о национальности в переписном вопроснике.

Собственно говоря, на представлении о единичной природе этничности построена и вся социология, включая систему опроса общественного мнения: между этносами как бы и нет никакого пространства. Даже генетики гонятся за «чистыми этнофорами», испрашивая сведения о двух-трех поколениях предков перед забором генетического материала. За экспертами и интерпретаторами уже следуют государственные службы, кадровые и рекрутинговые системы, музейные экспозиции, фестивальные и прочие коллективные действия. Пределом понимаемости для последних может быть только «многонациональный характер» мероприятия, трудового или поселенческого коллектива. Многонациональность, как и многонародность, понимается как много разных этнических единиц, а не как сложная целостность.

Если посмотреть на всю систему политики аффирмативных действий, квотирования и распределения общественных благ, электоральных норм, образовательных прав и т. д., то окажется, что все это зиждется на основании посылки об извечности этнических групп. Точно так же описываются и воспринимаются межэтнические отношения и конфликты. Моя попытка в свое время показать в ироничной форме «конструирование чеченцев из этнографического мусора» зарубежными коллегами с целью изобразить их «античными Антеями с современными

гранатометами» (Тишков 2001) понравилась далеко не всем из числа проповедников уникальной чеченской цивилизации. Не очень нравятся сторонникам старых прописей и другие конструктивистские трактовки этнических материй, получающие в свой адрес обвинения в «агрессивном навязывании постмодернизма» и т. п.

Однако достоинство конструктивизма прежде всего в том, что он обратил внимание и подверг анализу феномен этничности, включая *политику этничности* и *этническую политику* (это разные вещи), которые оказался неспособен объяснить примордиализм. Как объяснить многое в привычной демографии: например, двойной рост или уменьшение численности этнических групп в межпереписные десятилетия или появление в разных вариантах самой этнической номенклатуры — так называемого «списка народов». Например, число американских индейцев увеличилось на 50% в 1970-е гг. и на 80% в 1980-е. Или число мусульман в Боснии увеличилось на 75% с 1961 по 1971 г., а число югославов уменьшилось на 85% в той же стране и за тот же период при отсутствии миграционного движения.

Много аналогичных примеров имеется и в российской практике. Ср., например, татаро-башкирские «качели» в Башкортостане, когда от переписи к переписи не менее 100 тысяч жителей северо-западного региона республики переписываются из башкир в татары, затем из татар в башкиры в зависимости от политического курса руководства этого региона и от степени энтузиазма местных «экспертов» по этногенезу и этнической истории. Признать наличие феномена татаро-башкирского симбиоза примордиальные установки и тривиальный этнонационализм никак не позволяют. В последней российской переписи проявился еще один разительный пример воздействия политико-идеологического фактора: это почти двойное увеличение численности черкесов (с 70 до 120 тысяч) как результат агитации зарубежной черкесской диаспоры и части местных интеллектуалов в пользу конструирования единой нации черкесов из народов адыгской группы (адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов).

Не менее поразительны так называемые этнические процессы в Соединенном Королевстве, где население «мигрирует» между британскостью и английскостью: в 1992 г. 31% жителей страны считали себя англичанами, спустя десять лет их стало 41%. Сходный процесс ухода от британскости в пользу этнорегиональной идентификации произошел среди жителей Уэльса и Шотландии. Но вот прошло 30 лет, и новый поворот — уже в пользу британскости. Результаты переписи населения 2021 г. по Англии и Уэльсу показали поразительное сокращение (почти в 4 раза!) числа тех, кто определяет себя как «англичанин», а число определяющих себя как «британец» увеличилось в 3 раза и ныне составляет 55% населения этой части королевства. Однако самое

интересное — двукратное увеличение количества тех, кто считает себя одновременно «англичанином» и «британцем». Вот настоящее посрамление сторонников теории этноса, в рамках которой таким двуглавым или двудушным организмам места вообще нет!

Если ради интереса заглянуть в известный справочник С. И. Брука (Брук 1986), то примордиальная схема деления населения стран мира на этносы терпит полнейший крах. Как оказывается, лидеры компартий Франции и Болгарии не зря слали на имя Л. И. Брежнева свои жалобы на Институт этнографии АН СССР за то, что в его публикациях нации французов и болгар делились на какие-то еще отдельные народы-этносы.

Конструктивизм помог выяснить еще одну фундаментальную проблему — это бесосновательные претензии на универсальность феномена этноса для всего человечества и для основных эпох его истории. «Этногенез» В. П. Алексеева и мир «социоров» Ю. И. Семёнова не ведал исключений: теория претендовала на всеобщность человеческой эволюции. Согласно их трактовкам, этническая картина мира людей сформировалась на ранних стадиях (с позднего палеолита!) и сопровождает нашу жизнь, невзирая на другие трансформации по части прихода и ухода цивилизаций и государств, войн и глобальных технологических, социальных и информационных революций. Вот как университетский учебник излагает эти взгляды: «Этносы возникали вместе с развитием людей и их социальных групп, будучи одной из форм человеческой групповой интеграции. Некоторые ученые предполагают, что уже в раннем палеолите существовали групповые формы бытия формирующихся людей — питекантропов, синантропов, гейдельбержцев, неандельтавцев, которые гипотетически допустимо считать *предэтносомами*. Применительно же к позднему палеолиту — периоду появления человека современного вида (*Homo sapiens*) — и к позднему времени специалисты считают возможным уверенно говорить об этносах эпохи первобытно-общинного строя — *племенах* и их объединениях, которые называют также *соплеменниками*» (Основы этнологии 2007: 9).

Таким образом, этносы — это вечные и всеохватные социальные коалиции людей. Хотя Л. Н. Гумилёв отводил определенный жизненный путь для каждого из этносов и даже придумал некую внутреннюю эволюцию — от молодости до смерти/гибели, но ни одного примера такого завершённого жизненного пути им не было названо, как и не был определен «первотолчок» для рождения этноса.

Итак, что знает мир об этносах или хотя бы о чем-то, что напоминает этот феномен, но, возможно, под другими названиями? Здесь имеет место огромное разнообразие социальных практик и их научных обеспечений. Для западного полушария (за исключением Канады) более фундаментальными являются расовые классификации, а также деление на

«аборигенное» и остальное население стран этого континента. Степень и смыслы категоризации населения по этим признакам разнятся между странами, но общим является то обстоятельство, что не культурно-языковые, а другие, прежде всего фенотипические, различия лежат в основе группировок населения и их фиксации в разных процедурах: от переписей населения до кадровых анкет. Впрочем, и в этом варианте разнообразии сопровождается динамичной изменчивостью. Так, например, население Пуэрто-Рико за последние 50 лет почти целиком переидентифицировалось с категориями «негр» и «мулат» на категорию «белый». В Бразилии произошел обратный процесс: за 30 лет многие бразильцы, идентифицирующие себя как «белые» и «черные», предпочли категорию «коричневые» (*Brown*), и таким образом большинство бразильской нации стало «цветным». В этом случае имели место сочетание «объективной» демографии (более высокая рождаемость среди небелого населения) и изменения в предпочтительности выбора по части престижности цвета кожи и внешнего облика в целом. Похоже, что Бразилия ушла от некогда господствовавших форм общностей по степени и типу мулатизации (квартироны, октороны, мюлатры и т. д.). Так в крупнейшей стране мира Бразилии одни «этноты» вымерли, им на смену пришли другие.

ЧТО ПОДСКАЗЫВАЕТ КОНСТРУКТИВИЗМ?

Так что же происходит на самом деле с этничностью и что подсказывает конструктивистский подход? Многие удивительные метаморфозы с «этническими процессами» являются на самом деле результатом смены идентичностей среди людей, а не тривиального для демографов «движения населения» (рождаемость/смертность, миграция). Когда такие смены обретают массовый характер, может не только меняться структура (этнический состав), но и исчезать или появляться новые идентификации, а за ними по законам обыденного мышления — группы. В результате может породиться явление «геноцида через реидентификации» или «этногенеза реидентификации», как это называл Клиффорд Гирц (Geertz 1973: 274–275). Особенно этим могут быть затронуты дети и молодые люди (Woodbury 2018).

Конструктивизм помогает понять эти явления именно как результат воздействия политики, а также идеологических предписаний. Конструктивизм позволяет формулировать аргументы в пользу того, что этнические деления могут создаваться и меняться или, наоборот, стойко сохраняться в результате политического воздействия или последовательной индоктринации. Так, например, перепись населения 2002 г. в Российской Федерации довольно случайно выявила число этнических общностей, равное тому, что было получено в результате первой советской переписи 1926 г. Это стало аргументом в пользу успешности опыта советской

национальной политики и необходимости сохранять все народы от их возможного исчезновения как подтверждения успешности нынешнего правления. Как мне сказал бывший тогда министром по делам национальностей В. Ю. Зорин, «я доложу президенту страны, что в России за весь XX век не исчез с карты ни один народ!» Уверенность, что в России кем-то свыше предопределено число проживающих народов (любимая цифра остается — 150) проявлялась как скрытая установка и в последующих переписях 2010 и 2020/21 гг. Особые опасения бытуют по части возможного сокращения списка, которое разные недоброжелатели могут истолковать как «вымирание народов».

Конструктивизм также помогает понять, что экономические явления (индустриализация и урбанизация, печатное дело, рынок труда, политика найма и т. д.) тоже могут создавать и изменять этнические диспозиции. Он помогает понять, как современное государство создает и меняет этнические диспозиции через административные структуры и устройство территории, централизацию или автономизацию, сбор статистических данных, языковую стандартизацию, образовательную систему, воинскую службу и службы безопасности.

Любопытно, но последние также бывают вовлечены в манипулирование этническими материями. В России, например, сравнительно недавно имел место со стороны одной из специальных служб неожиданный интерес к сахалинским айнам (возможно, для критики политики Японии в отношении этой части их собственного населения). Но в какой-то момент последовал полный отказ от этой заинтересованности вплоть до загадочного исчезновения данных о российских айнах, которыми, по моим данным, наверняка могли назваться несколько десятков жителей Сахалина. Так что был этнос айнов в СССР до 1945 г., затем исчез в результате массового переселения в Японию, потом как-то робко объявился и снова исчез. Вот такой «этногенез реидентификации»!

Наконец, конструктивизм трактует насилие как один из инструментов создания или уничтожения этносов. По крайней мере, насилие меняет сами культурные различия и так называемые культурные дистанции. Причем бывает так, что даже самые малые культурные различия могут в результате политических и идеологических воздействий становиться одной из основ жестоких конфликтов. Внутриславянские примеры с сербами и хорватами, украинцами и русскими могут быть тому подтверждением. В результате меняются, сочиняются заново версии «происхождения народа», «национального характера» и языковые варианты вплоть до «развода языков». Так, например, из одного сербохорватского ныне появились четыре разных языка.

Примордиализм не критично или намеренно политизированно трактует все эти явления как последствия объективной деятельности этносов, их борьбы за «базовые человеческие интересы» этнических коллективов

(так называемая *basic human needs theory*), национальных движений за самоопределение как «возрождение наций» и «парад суверенитетов» (Tishkov 1999).

Конструктивизм обращает внимание не просто на явление реификации (вызывание к жизни) этничности и на ее базе — групповое оформление. Он обращает внимание и на то, как правовые нормы вызывают к жизни клиентов на пользование законами, особенно по части предпочтений или статусного оформления. Одной из причин моего добровольного ухода с поста федерального министра по делам национальностей в 1992 г. был отказ завизировать указ президента Б. Н. Ельцина о государственной поддержке российского казачества, в преамбуле которого эта форма идентичности на основе некогда существовавшей социокультурной традиции определялась как самостоятельная этническая общность и под обслуживание интересов которой предполагалось создание отдельных государственных структур.

На мой взгляд, это неминуемо должно было вызвать трансформацию общественного движения культурно-исторического характера в реальную общность как минимум среди русского населения. Введение государственного реестра казаков, учреждение управления и совета по делам казачества на уровне высших государственных структур завершило этот процесс. Процедура породила «процесс этнообразования» с присущими ему примордиальными характеристиками исторической значимости, лояльности и коллективного достоинства. Если сегодня сказать моему коллеге по президентскому Совету по межнациональным отношениям, верховному атаману В. П. Водолацкому, уже успевшему проявить свою доблесть в военных действиях в Донбассе, что, не будь указа 1992 г., оставаться бы ему в категории «ряженных» (так тогда называли «неоказачков»), то он воспринял бы это или как обиду, или как чудачество. В равной мере и федеральный закон 1999 г. о коренных малочисленных народах с его предпочтениями породил среди этнических активистов лоббистскую кампанию за включение в официальный список, который почти удвоился с момента его первичного одобрения. Некоторые «этноты» возникли вообще из нулевого присутствия, как, например, алыторцы, упоминавшиеся в прошлом в составе корякского народа, отсутствовавшие в переписи 2010 г. и объявившиеся в переписи 2020/21 г. числом 96. Автор этого «этногенеза» известен. Это корякский лингвист и этнограф, писатель и педагог М. И. Попов (Татха), который долго добивался признания этой этнографической группы как отдельного народа.

Есть еще одна полезная особенность рассматриваемого нами подхода. Конструктивизм берет за основу следующий тезис: индивиды могут иметь множественную этническую идентичность, которая может изменяться в зависимости от политических и экономических факторов. Но как быстро происходит эта смена и каковы мотивации людей,

меняющих идентичность? Есть идентичности более жесткого, предписанного плана и есть более подверженные переменам. Здесь нужны разъяснения и доработка теории этничности, хотя, казалось бы, сделано уже много.

НЕОБХОДИМОСТЬ ДОРАБОТКИ ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ

Одна из проблем нашей сегодняшней науки — это отсутствие устраивающего, работающего определения самого понятия «этничность» (несмотря на то, что я и сам являюсь автором энциклопедических статей об этом понятии; см.: Тишков 2022; Tishkov, Sokolovskii 1996: 190–192). Нельзя не заметить, что при всем внимании к проблеме собирания данных об этом явлении по всему миру, проведении многочисленных и изощренных опросов и их машинных обработок ученые — этнологи и антропологи, работающие в русле идей конструктивизма, чаще всего обходятся без выяснения, что имеется в виду под данным словом, то есть самим предметом изучения. Конечно, можно сказать, что этой неопределенностью «конструктивизм как бы косвенно признает функциональную закрепленность (fixedness) за этим явлением и его эндогенность (exogeneity)» (Chandra 2012: 8). Однако этого недостаточно: сущностная неясность порождает мутные и запутанные интерпретации наподобие упоминания (не)воздействия лекарств на представителей этнических групп в медицинских листовках (здесь речь явно должна идти о расовых популяциях!).

Видимо, необходимо обновление самого словаря и языка описания этничности. Упор должен быть не только на показатели (классификация, численность и т. д.), но и на механизмы воспроизводства, управления и использования этничности. Здесь могли бы быть полезны своего рода микроанализы типа недавнего исследования под руководством Е. А. Варшавера, изучавшего на примере жителей Дагестана поведенческие мотивы и историко-культурные установки в ходе опроса о национальности при проведении последней переписи населения (Варшавер 2022).

Крайне полезным мог бы быть анализ личностных историй, причем не только рядовых участников переписных и других процедур по части этнического выбора и поведения. Мне лично давно представляются загадкой ситуации, когда ведущий ученый-этнолог или руководящий работник Федерального агентства по делам национальностей, будучи, скажем, выходцем из Дагестана, в собственной жизни устраивает семью с «иноэтничным» партнером также нерусской национальности, воспитывает собственных детей в русскоязычной среде и культуре, каждый день общается в дружном полиэтничном коллективе, но остается сторонником жесткого этногруппизма, всячески утверждая на службе постулаты этнической уникальности и «межнациональных отношений». При этом,

как правило, никакой саморефлексии или хотя бы внутреннего критического взгляда на свое профессиональное и семейно-родственное окружение не обнаруживается. Такое впечатление, что здесь действует ныне известная формула двойного стандарта: «А это другое!».

Однако это не другое, а именно то самое, что пока плохо осмысливается на личностном уровне самими «практиками этничности» (теми, кто работает с вопросами этничности) и проецируется ими на своего рода внешний контур. Ведь если наше российское согражданство мы делим на «народы России», то почему не считаем подходящим пользоваться этим же разделительным принципом в отношении собственного служебного или семейного круга? И если это действительно «другое», то есть коллектив Института этнологии и антропологии РАН или министерства (не говоря уже о собственной семье) составляют «один народ» (не путать со словом «единый»!), почему бы тогда не апробировать такой же взгляд и на местное, региональное или страновое сообщество?

Можно, конечно, признать разделительную силу социального и религиозного факторов в среде человеческих сообществ. Этничность тоже может быть не последним разделителем, но делать обязательным занятием народоведческое натаскивание («Мы все — разные»!), начиная со школьной скамьи, — это явно вступать в противоречие с повседневностью, с личностными стратегиями человека, желающего преуспевать по жизни как можно в более широком и сложном социокультурном пространстве одной страны и даже за ее пределами.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ЭТНИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ И ЕГО ТРАКТОВКИ

Надо признать с большим сожалением, что этническое многообразие чаще рассматривается как проблема в мире политики, которая должна разрешаться или через внедрение гомогенности, или через групповое разделение, в том числе и через раздел государственных территорий. Некоторые предлагают решать проблему через ликвидацию основы для этнической мобилизации меньшинств или через ограничения для этнического большинства. На самом деле вопрос не в этничности, а в сопровождающих факторах, которые взаимодействуют с этничностью. Более того, этническое разнообразие может служить миру и развитию, даже укреплению общего государства и препятствием к его распаду.

На наш взгляд, конструктивистский подход способен помочь преодолеть своего рода негативный контент, заключенный в анализируемом нами феномене, когда этническое многообразие чаще всего связывается с рисками для государственного строительства, когда его ассоциируют с существованием режимов, которые менее демократичны, хуже управляются, больше предрасположены к конфликтам (Rothschild 1981; Horowitz

1985; Wimmer 2013). Есть работы, которые обосновывают именно этническим фактором наличие бедности и других социальных проблем. Наиболее разрушительной нам представляется трактовка существования этнических общностей в составе государств как непреодолимого препятствия к нациестроительству на полиэтничной, гражданской основе. Национальное государство мыслится только как моноэтническое государство, но даже в варианте «державы-цивилизации» многообразие должно обрести форму некоего выбора в пользу доминирующей этничности. Вот как это понимает известный российский политолог Д. Тренин: «Ядром российской цивилизации-державы являются русские люди, с их языком, культурой и религией, но этнический момент в рамках единой цивилизации не является определяющим. Напротив, русское сообщество является открытым, свободно и на равных принимающим в свой состав не только отдельных представителей других этносов, но и сами эти этносы целиком. Русскими могут быть и являются и татары, и якуты, и чеченцы, и многочисленные этнические группы Дагестана» (Тренин 2022: 35).

Существует довольно убедительная критика публикаций, выведивших, казалось бы, убедительные формулы, согласно которым чем выше степень этнической и языковой гетерогенности того или иного общества (государства), тем оно беднее, тем ниже темпы его развития в сравнении с этнически гомогенными сообществами (Easterly, Levine 1997; Alesina, Ferrara 2005). Однако в научной повестке остается задача доказать, что этническое многообразие и культурная сложность — это ресурс и даже условие успешного и мирного развития как общества, так и отдельного человека. Пока в этом направлении учеными сделано недостаточно (Millrine, Vijić 2017; Luiz 2015).

Подводя итоги анализа нынешних познавательных подходов в антропологии и этнологии, сошлюсь на следующее полезное высказывание К. Чандры: «Конструктивистский подход не отвергает, как это зачастую считают, примордиальные интерпретации этнических идентичностей. Он их проблематизирует. Если этнические идентичности действительно конструируются, тогда при каких условиях примордиальные трактовки этих идентичностей вызываются и укореняются в жизни? Почему именно примордиальные взгляды в большей степени связываются с одними этническими категориями и меньше с другими? Как воздействует на людей осознание ими природы этничности как сконструированной или как примордиальной? Парадоксально, но исходя из конструктивистских оснований, мы можем более глубоко познать и корни примордиализма» (Chandra 2012: 8).

В чем заключается это новое проникновение в природу примордиализма? К. Чандра и ее соавторы выделяют два типа этничности: *номинальную этническую идентичность* как категорию, при которой основанные

на происхождении характеристики дают человеку возможность группового членства, и *активированную этническую идентичность* как категорию, при которой человек действительно практикует членство (или такое ему приписывают другие). Все люди обладают определенным репертуаром номинальных идентичностей, из которых одна или более могут быть задействованы в конкретный момент. Здесь важно различать такие вещи, как свойства и категории. Этническая идентичность чаще используется не как свойства, а как категория, на основе которой и конструируется (мысленно, в написанном тексте или социологической анкете) группа. Так что это взаимопроникающее понятие.

По этой причине мне представляется возможным считать, что *этничность* — это категория и группа как кластер индивидов, которые разделяют то или иное приписываемое обозначение, но совсем необязательно считают себя одним коллективом с общими интересами. Как мне однажды признался М. Н. Губогло (излагаю по памяти), «во время депортации в Сибири я и мои родители были выселенными из Молдавии гагаузами, при поступлении в МГУ я выбрал близкую мне и более понятную всем болгарскую национальность, за время жизни в Москве и работы в Академии наук я стал и считаю себя русским, но когда я еду в отпуск или в экспедицию в Гагаузию, то снова становлюсь гагаузом». Насколько я помню, в 1991 г. его как знатного соплеменника даже приглашали стать президентом Гагаузской республики, но он не стал делать этот сулящий беспокойную жизнь выбор. Какая из этих идентификаций моего покойного друга была номинальной, а какая задействованной — я затрудняюсь сказать, а спросить уже нет возможности.

Этот момент этнического выбора и этнического дрейфа был рассмотрен также Роджерсом Брубейкером как «этничность без групп» (Брубейкер 2012), а применительно к отечественному материалу мы рассматривали ситуацию с наличием в номенклатуре «народов России» нескольких десятков условных кластеров, которые никакими сообществами не являются, хотя присутствуют в итоговых переписных документах как самостоятельные этнические категории, то есть как «народы» (Тишков 2021).

Нам еще предстоит серьезный разговор на тему, почему несколько сотен британцев являются «народом России», а такое же число попавших в российскую перепись нигерийцев пребывают в анонимной графе «другие национальности». Но и про суть этнической материи мы разговор не заканчиваем. Как было отмечено выше, авторитетные коллеги в целях учета примордиальных факторов предлагают обратить особое внимание на роль *десцентного принципа* (принцип общего происхождения). Он присутствует как в обыденном мышлении, так и в общественных практиках и распространенных опросных формулах об *ethnic origins* или *ethnic belonging*.

Именно этот принцип позволяет зачислять в этнические группы довольно разные по своей содержательной сути категории-группировки. Но мы в свое время предложили дополнить формулу словом «миф» (об общем происхождении). Эта новация ныне стала общепринятой, ибо мы в реальности имеем дело чаще всего не со строгой академической версией, а с версией из разряда так называемой *фольк-хистори* — той, что присутствует в массовом дискурсе и одобряется им. В таком случае мы снова возвращаемся на круги своя: в разные времена и в разных обстоятельствах меняются мифы о происхождении, а значит, меняются и конструируемые на их основе групповые идентичности. К. Чандра предлагает рассматривать подобные изменения на коротком отрезке времени как «процесс реклассификации элементов из фиксированного набора характеристик, понимаемый в данном случае как рекомбинация» (Chandra 2012: 11). И отсюда появляется, по ее мнению, перспектива теоретизирования этнических перемен с использованием так называемой комбинаторики — раздела математики, посвященного решению задач, связанных с выбором и расположением элементов некоторого множества в соответствии с заданными правилами. Однако это уже другая история, и не для тех, кто не силен в математике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Банников К. Л. Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации (К 90-летию Сергея Александровича Арутюнова). М.: ИЭА РАН, 2022. 93 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986. 828 с.

Варшавер Е. А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе Всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221.

Головнёв А. В. Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 6–32.

Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В. Националстроительство в современной России. М.: Алгоритм; Научный эксперт, 2014. 408 с.

Основы этнологии: учебное пособие / под ред. проф. В. В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007. 696 с.

Рыбаков С. Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001. 358 с.

Тишков В. А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: Издательство АСТ, 2021. 416 с.

Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. 552 с.

Тишков В. А. Российский народ: История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Тишков В. А. Этничность // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/etnichnost-dbde36> (дата обращения: 30.12.2022).

Тренин Д. В. Кто мы, где мы, за что мы — и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 32–42.

Финнемор М. «Нам нужно было убедить коллег, что конструктивизм обладает объяснительной силой...» // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 110–121.

Щипков А. В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. 320 с.

Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999. 115 с.

Alesina A., La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43. № 3. P. 762–800.

Chandra K. (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2012. 520 p.

Easterly W., Levine R. E. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. 1997. URL: <https://ssrn.com/abstract=88828>. (дата обращения: 30.12.2022).

Geertz C. The Interpretations of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. 470 p.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: California University Press, 1985. 697 p.

Luiz J. The impact of ethno-linguistic fractionalization on cultural measures: Dynamics, endogeneity and modernization. // Journal of International Business Studies. 2015. Vol. 46. P. 1080–1098.

Millrine M., Vijic S. Revisiting Easterly and Levine (1997): Replication and extension. // Working Papers 2017007. University of Antwerp, Faculty of Business and Economics, 2017.

Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p.

Tishkov V. Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. № 5. P. 571–591.

Tishkov V., Sokolovskii S. Ethnicity. // Encyclopedia of social and cultural anthropology. London; New York, 1996. P. 190–192.

Wimmer A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. New York, NY: Oxford University Press, 2013. 304 p.

Woodbury S. From Many Cultures, One Nation. Ethnicity and Nationalism in Belizean Children. 2018. 272 p.

REFERENCES

Alesina A., La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, 2005, vol. 43, no. 3, pp. 762–800. (In English).

Bannikov K. L. *Instinkt harmonii smyslov. Informacionnaya teoriya etnosa: aspekty i interpretacii* (K 90-letiyu Sergeya Aleksandrovicha Arutyunova) [Instinct of harmony of meanings. Information theory of ethnos: aspects and interpretations (To the 90th anniversary of Sergey Aleksandrovich Arutyunov)]. Moscow: IEA RAS Publ., 2022. (In Russian).

Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Academia-Centr; Medium Publ., 1995. (In Russian).

Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2012. (In Russian).

Bruk S. I. *Naselenie mira. Etnodemograficheskiy spravochnik* [World population. Ethno-demographic guide]. Moscow: Nauka Publ., 1986. (In Russian).

Chandra K. (ed.) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford: Oxford University Press. 2012. (In English).

Easterly W., Levine R. E. *Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions*. 1997. URL: <https://ssrn.com/abstract=88828>.(accessed: 30.12.2022). (In English).

Finnemor M. ["We had to convince our colleagues that constructivism has explanatory power..."]. *Mezhdunarodnye process* [International processes], 2020, Vol. 18, no. 2, pp. 110–121. (In Russian).

Geertz C. *The Interpretations of Cultures*. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. (In English).

Golovnev A. V. [Multinationality of Russia: A view from the North]. *Etnografya*, 2022, no. 4 (18), pp. 6–32. (In Russian).

Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: California University Press, 1985. (In English).

Kara-Murza S. G., Kuropatkina O. V. *Naciestroitel'stvo v sovremennoy Rossii* [Nation-building in modern Russia]. Moscow: Algoritm: Nauchnyy ekspert Publ., 2014. (In Russian).

Luiz J. The impact of ethno-linguistic fractionalization on cultural measures: Dynamics, endogeneity and modernization. *Journal of International Business Studies*, 2015, vol. 46, pp. 1080–1098. (In English).

Millrine M., Vijic S. Revisiting Easterly and Levine (1997): Replication and extension. *Working Papers 2017007*. University of Antwerp, Faculty of Business and Economics, 2017. (In English).

Rothschild J. *Ethnopolitics. A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press, 1981. (In English).

Rybakov S. E. *Filosofiya etnosa* [Philosophy of ethnos]. Moscow: IPK Gossluzhby Publ., 2001. (In Russian).

Shchipkov A. V. *Voprosy ideologii* [Questions of ideology]. Moscow: Abris Publ., 2018. (In Russian).

Tishkov V. A. *Nacional'naya ideya Rossii. Rossiyskiy narod i ego identichnost'* [National idea of Russia. The Russian people and their identity]. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ., 2021. (In Russian).

Tishkov V. A. *Obshchestvo v voozuzhennom konflikte. Etnografiya chechenskoy voyny* [Society in armed conflict. Ethnography of the Chechen war]. Moscow: Nauka Publ., 2001. (In Russian).

Tishkov V. A. *Rossiyskiy narod: Istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya* [Russian People: History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka Publ., 2013. (In Russian).

Tishkov V. Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data. *Journal of Peace Research*, 1999, vol. 36, no. 5, pp. 571–591. (In English).

Tishkov V., Sokolovskii S. Ethnicity. *Encyclopedia of social and cultural anthropology*. London; New York, 1996, pp. 190–192. (In English).

Trenin D. V. [Who we are, where we are, what we are for — and why]. *Rossiia v global'noy politike* [Russia in global politics], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 32–42. (In Russian).

Varshaver E. A. [Trapped in double irrelevance: (re)production of ethnicity in interactions between enumerators and enumerators during the 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 2022, no. 4, pp. 199–221. (In Russian).

Wimmer A. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York, NY: Oxford University Press. 2013. (In English).

Woodbury S. *From Many Cultures, One Nation. Ethnicity and Nationalism in Belizean Children*. 2018. (In English).

Yakimova E. V. *Social'noe konstruirovanie real'nosti: social'no-psihologicheskie podhody: nauch.-analit. obzor* [Social construction of reality: socio-psychological approaches: scientific-analyst. review / Moscow: INION Publ., 1999. (In Russian).

Submitted: 30.12.2022

Accepted: 10.01.2023

Article published: 01.04.2023